

The image is a book cover for 'ИЗМЕНА' (Betrayal) by Ellen Osh. It features a man and a woman in a modern interior. The man, on the left, is wearing a white blazer and has a serious expression. The woman, on the right, is holding a white cat and has a slight smile. The background shows a large window with a view of a city.

Элен Ош

ИЗМЕНА
Заберите вашего
мужа

Элен Ош

Измена. Заберите вашего мужа

«Литнет»

2024

Ош Э.

Измена. Заберите вашего мужа / Э. Ош — «Литнет», 2024

Я наивная и доверчивая! Верила, что муж на дежурства уходит, а он врал! Сознался, что женился ради корысти: Очередь на квартиру. Но в новую воинскую часть все равно за собой потащил. Цель-то не достигнута! Слезы по щекам размазываю. Ничего Лешенька! Я тебе еще отомщу. ----- От постороннего человека я узнаю про измену мужа. Но доказательство в лице его любовницы озадачивает: Она просит забрать его обратно. Я стою на распутье: спасти семью или махнуть на все рукой, начав новую жизнь.
♥#♥#♥# Добавляем книгу в библиотеку, ставим звезды и подписываемся на автора, чтобы получать приятные плюшки

© Ош Э., 2024

© Литнет, 2024

Содержание

Глава 1 Сплетни и зависть	5
Глава 2 Неужели правда?	7
Глава 3 Нельзя плакать!	9
Глава 4 Я доберусь до правды	11
Глава 5 Себе хоть не ври, Лена	13
Глава 6 Волна ненависти	15
Глава 7 Как тебе это удалось?	17
Глава 8 Простите, не специально!	19
Глава 9 Утешение для души	21
Глава 10 Что болит сильнее	23
Глава 11 Я все довожу до конца	25
Глава 12 Достала до чертиков	27
Глава 13 И как это понимать?	29
Глава 14 Из меня еще тот поджигатель	31
Глава 15 Зачем пришла?	33
Глава 16 Забери своего мужа	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Глава 1 Сплетни и зависть

— Порча на тебе, дочка!

Я резко торможу и оборачиваюсь. Смотрю на сухопарую старушку и подсознательно ищу в ней цыганскую кровь. Обычно этот народ цепляет прохожих подобными замечаниями. Но я никогда не ведусь.

Однако встречаюсь с довольно ясным для возраста старушки взглядом. Отмечаю светлое, испещренное морщинами лицо в обрамлении седовласых буклей. Невольно делаю шаг навстречу.

— Как вы сказали?

— Да ты не бойся, дитя! Не цыганка я.

— Я это вижу, — выдыхаю, переминаясь с ноги на ногу и удерживая в руках тяжелую хозяйственную сумку с продуктами.

— А я вижу куда больше, милая, — улыбается старушка, ослепив белоснежными вставными зубами, и похлопывает рядом с собой морщинистой рукой. — Присядь, дитя! Не бойся меня. Не обижу!

Старушка примостилась на широком бетонном бортике клумбы возле магазина, подстелив под себя газетку.

Я смахиваю пыль и усаживаюсь как есть, подогнув подол летнего сарафана. Сумку ставлю между ног. Почти не дышу. Не каждый день подобные встречи случаются.

— И что же вы видите?

— Как и сказала: порча на тебе. Довольно сильная. Была бы не права бабка, ты бы не остановилась. Сама чувствуешь странности, только объяснить не получается. Верно говорю?

Судорожно сглатываю и киваю головой, вспоминая последние пару недель. А по спине холодок пробегает. Тело испариной покрывается, но не от тридцати градусной жары.

Старушка шурится, хитро поглядывая на меня. Сканирует насквозь.

А у меня перед глазами все плывет. В ушах звон. Головой трясусь. В себя прийти пытаюсь.

Теплая ладонь старушки накрывает мою руку. Заскорузлые пальцы мягко сжимают, чуть похлопывая.

— Ничего, дитя, ничего! Глубоко вдохни, задержи дыхание и медленно выдохни. Ну как, легче?

Быстро ресницами хлопаю, фокусирую взгляд на старушке. Головой киваю, а в груди тепло разливается, как от глотка горячего чая. Даже мятой запахло и свежескошенной травой. Вот это меня торкнуло, думаю.

А старушка смеется, словно мысли прочла. Руку убирает. А я вдруг жалею об этом. Настолько рядом с ней тепло и уютно, и спокойно на душе.

— Кто вы? — обретаю дар речи и тихо спрашиваю.

— Баба Клава, — просто отвечает.

— Ведьма?

Усмехается, пожимая плечами. Я не решаюсь допытываться. Достаточно того, что ощутила. Хотя, всему виной могло быть и солнце в зените. Но вот баба Клава без боязни сидит на самом солнцепеке.

— Ладно. Допустим, — вытираю потные ладони о подол сарафана. — И что мне делать? Поможете порчу снять?

— Нет. Ее снимет та, которая наложила. Чем быстрее сделает, тем легче самой станет. По глупости своей навела, оттого и отдача сильная. За все платить надо!

— Но, как я найду ее? Да и кому я дорогу могла перейти, — недоумеваю, глядя на бабу Клаву в поисках ответа. — Мы с мужем совсем недавно в городок переехали, как он назначение получил. От силы пару месяцев.

— Дело не во времени, дитя. Слышала я одну фразу, очень уж в тему сейчас: "К красивым женщинам прилипают не только мужчины, но еще сплетни и зависть". А городок у нас маленький. Остаться незаметным крайне сложно.

— И все равно, не понимаю.

— А что тут понимать то? Ты красивая, а муж молодой, статный офицер. Вот и позавидовала тебе и запала на мужа дуреха местная.

— Зачем вы на мужа-то моего наговариваете, бабушка? Леша не такой! Он любит меня.

— Ох дитя! Леша-то, может, и любит, да коль на тебе порча, так на милом твоём приворот. Ты бы пригляделась к мужу повнимательнее. А еще лучше, чистку яйцом куриным проведи, да мне принеси. Я гляну, что к чему.

— Как это? Зачем это?

— А затем это, чтобы наверняка знать, — поучает старушка, а мне совсем нехорошо от ее слов становится.

Да посреди знойного дня тело холодом прошибает. Смотрю на старушку. Думаю, сейчас рассмеется. Скажет, что пошутила. Но нет, взгляд ее серых глаз суровый, пронизывает насквозь.

Невольно верю ей на слово. Да самой интересно становится.

— Ладно, — соглашаюсь. — Что сделать надо?

— Ты вчера на рынке яйца домашние покупала. Да я не спрашиваю, а утверждаю. Видела, как ты с рынка выходила и аккуратно их домой несла.

А я удивляюсь, как в таком возрасте старушка на зрение не жалуется. Глазастая такая!

Так значит, она выцепила меня еще накануне. И зачем ей это понадобилось, если не цыганка? Какая старушке выгода?

— Да, так и есть. Купила три десятка.

— Возьми два яйца. Пусть согреются до комнатной температуры. Одно яйцо по своему телу поводи, другое — по мужу покатай. Утром мне принесешь, да смотри: не перепутай яйца!

— Я поняла. Что я вам буду должна?

— Глупое и наивное дитя, — старушка головой качает и языком цокает от возмущения. — Покой мне принесешь.

— То есть?

— И не думай понимать. Ни к чему тебе! Мужа спасай, если любишь. А нет, так и плюнь! Но жалко его. Красивый шельма!

Откуда старушка Лешу моего знает? Удивляюсь еще больше, но спрашиваю:

— А если не спасу, что с ним будет?

Там еще глава. Листаем дальше...

Глава2 Неужели правда?

Старушка без ответа меня оставляет. Впадает в дремотное состояние. Я прислушиваюсь невольно. Нет, дышит! Странная такая.

Поднимаюсь с клумбы. Сумку подхватываю. Отхожу от бабки подальше. Оглядываюсь.

Та сидит, на палку опираясь. Веки морщинистые прикрыла. Спит.

Ну, не дура ли я? Поверила бредням глупой старухи! Чтобы мой Леша изменял? Да его напои и положи рядом с бабой и то не позарится. При молодой и красивой жене. А тут: приворот. С какого перепугу?

Мы только два месяца как в новую часть приехали. Никого толком не знаем. Друзьями новыми обзавестись не успели. Муж либо дома, либо на службе.

Я работу еще не нашла. Обживаю квартиру, которую выделила часть, да о муже забочусь.

Практически вечера вместе проводим. Исключение – дежурство по части. Когда бы он с кем-то пересекался настолько, чтобы другая приворожить вздумала?

— Ой, Ленка, ну ты и дура, — шепчу я себе. — В части столько баб служит! И не все замужние. А даже если и так, то... Уф!

Переключаю сумку в другую руку и ускоряю шаг. Но если на минуточку предположить, что бабушка права, то вычислить ту самую дуреху абсолютно невозможно.

Меня дальше КПП не пустят, будь я хоть трижды женой офицера. Не положено! За территорией части пожалуйста. По телефону. Но не дальше!

А если разлучница из служивых, то шансы мои уменьшаются втрое. Только если с поличным мужа ловить на нейтральной территории.

Иду и чуть не плачу. Ну как так-то?

А если правда, что Лешка изменяет. Что мне делать? Куда бежать?

У меня и родителей нет. Сирота от рождения. В детдоме воспитывалась. Кулинарное училище закончила и сразу на работу вышла. Комнату в общежитии дали. Ни друзей, ни родни. Подружка по комнате, да и только. Так и жила до встречи с Лешей.

Подружка как-то на вечеринку вытащила, для компании. Все искала себе жениха из военных. Но замуж я выскочила. Скоропалительно. За Лешку Иванова.

Сначала по ушам ездил, что влюбился без памяти. Но на деле оказалось все банальнее. Неженатому офицеру квартира не светила в ближайшем будущем. Леша искал жену. А тут я, сиротинушка, подвернулась. Но красивая!

Не долго думала. Мне терять нечего. Согласилась и вышла замуж. Жена офицера!

Но прошло два года, а квартиру так и не дали. А муж получил назначение в новую часть, в надежде, что именно там улыбнется удача. Однако она отвернулась лично от меня, если верить бабушке.

Но и без нее в последнее время я заметила изменения в муже, сводя на усталость. Все же новое место! Психологически сложно. Старалась поддерживать мужа. Но неужели, не только я заботилась о нем?

Вхожу в подъезд. Дом настолько старый, что даже домофон не стоит. Да и двери по старинке деревянные. Втаскиваю тяжелую сумку с продуктами на второй этаж и коротко выдыхаю, опуская на пол.

Пока роюсь в поисках ключей, осматриваю входную дверь, обтянутую дерматином.

— А что если...

За два месяца в квартиру, кроме нас с мужем, никто не входил. Гостей не принимали. Если кто и навел порчу, то снаружи. Как водится: булавки, иголки и прочая гадость. Читала в книгах об этом, да на форумах в интернете рассказывали.

Осторожно осматриваю дверной косяк, чтобы не пораниться. Не такая уж я и дура! В мистику особо не верю, но заражение крови дело весьма распространенное.

— А это у нас что?

Снизу, буквально, у самого плинтуса, обнаруживаю торчащие шерстинки. Я девушка домовитая, на площадке тоже полы вымываю, чтобы грязь в дом не тащить. Но до сегодняшнего дня за косяки не заглядывала.

Первым порывом было вытащить на свет находку, но вовремя руку отвожу. А что если правда: порча это?

Открываю дверь. В квартиру продукты заносу. Не разуваюсь. На кухне нож маленький беру и возвращаюсь обратно.

На колени встаю, чтобы острым концом вытащить шерстяной комок. С брезгливостью его осматриваю.

Шерстинки разного цвета ниткой черной обмотаны. Это никак не может быть утеплитель или другой строительный материал. Находка явно руками человека создана и не во благо засунута в щель.

Я так увлеклась, что не услышала, как в подъезд кто-то вошел и на этаж поднялся. Вздвигаю, когда голос над собой слышу:

— Ленка, ты чего перед дверью на коленях ползаешь? Потеряла что-то?

Оборачиваюсь и глазами с мужем встречаюсь. А в голове слова старушки звучат: "Но жалко его. Красивый шельма!"

Стоит ступенькой ниже, одетый по форме. Фуражку в руках держит. Улыбается. А на лице уже щетина. С утра гладко бреется, а к обеду уже отрастает.

А мне так нравится! Но, видимо, и другая запала на хитрый прищур, губы чувственные.

Недоверчиво на Лешку смотрю. Неужели правда? Какой раз по счету я этот вопрос себе задаю?

Поднимаюсь с колен. Комок шерсти так и остается на пороге валяться. Рассказывать мужу о старушке и подозрениях нет смысла. Рассмеется в ответ, пальцем у виска покрутит.

— Привет, любимый, — к мужу тянусь, чтобы в губы поцеловать.

Но Лешка чуть голову поворачивает, и губы по щеке его скользят.

Даже так?!...

Дорогие читатели!

Рада видеть вас на страницах нового романа.

Не забываем подписаться на автора и добавить книгу в библиотеку.

Глава 3 Нельзя плакать!

Нож в руке крепче сжимаю, но руку за спину отвожу. Поднимаю глаза на мужа. Впервые такое, чтобы на поцелуй не ответил.

— Случилось что, Леша?

— Что? Нет, — и в квартиру меня проталкивает, глаза отводит. А у меня внутри все обрывается.

— Почему не целуешь тогда?

— Устал просто, Лен. Есть хочу! Ты ужин приготовила?

— Так обед только.

— Тем более. Мне в наряд сегодня. Сразу обед и ужин, чтобы в чипок не бегать.

— В смысле, в наряд? Ты же позавчера ходил, Леша!

— И что? То был рабочий, и я с призывниками был, а сегодня гарнизонный караул. Ты за два года запомнить не смогла, какие виды нарядов и дежурств существуют? А еще жена офицера, — в голосе укор слышу и спешу опровергнуть:

— Это я прекрасно помню! Но чтобы так часто...

— Ты будто мне не доверяешь, — голос мужа звучит глухо, а я не пойму: то ли потому что он чуть согнулся, снимая обувь, то ли от недовольства мною.

— Леша, давай поговорим!

— О чем? — выпрямляется, в глаза мне смотрит.

А я теряюсь под его пронизательным взглядом. Боюсь спросить про другую, хоть вопрос и вертится на языке. Что если ответит правду: «Да, Ленка, я изменяю тебе».

И что тогда?

Мне капец как страшно становится. Ведь я без Лешки никто. Совсем ничего кондитером поработала, потом в магазине продавцом. Ни стажа работы толком, ни какой другой стоящей профессии.

Ну, уйду от него, а жить как буду? Моя зарплата по сравнению с окладом мужа сущие копейки. Мне не хватит, чтобы квартиру снимать и жить относительно сносно.

Да и где? Остаться в этом городке, где каждый друг друга знает, невыносимо. А если уезжать, то куда? Страшно начинать с нуля.

Эти два года я за счет Лешки существовала. И не представляю жизнь без него. Ведь люблю его!

А он смотрит на меня. Ответ ждет, словно догадывается или мысли читает. Глазами по фигуре моей пробегает, а внутри сжимается все, когда голову наклоняет и кивает, на нож указывая:

— А что ты с ним на пороге делала? Пол скоблила?

Я и не заметила, как руку из-за спины достала. В кулаке нож зажимаю. Дрожу от одной мысли, какую находку обнаружила. Если бы не баба Клава, так и жила бы в неведении. А так хоть...

— А... Да, — отмахиваюсь и прохожу на кухню. Нож в раковине сполоснуть успеваю, когда муж следом заходит.

— Так о чем поговорить хотела? — за спиной останавливается, в затылок дышит.

Набираю полные легкие воздуха, медленно поворачиваюсь к нему и выпаливаю на одном дыхании:

— Давай ребенка заведем!

— Что? — брови мужа взлетают, а на губах усмешка.

— Нам квартиру не дают, потому что семья не полная. А был бы ребенок...

— Лена...

— И на дежурства отправляют так часто, — перебиваю его, — потому как ты еще молодой и детей нет. Типа, ничего страшного, жена подождет. А я не хочу так!

— Тебя никто не спрашивает, Лена! — грубо одергивает, брови густые хмурит, а глаза еще темнее становятся, чем раньше были. — Знала, за кого замуж выходила.

— Леша, я...

— Все, хватит трепаться! Кормить будешь?

— Да, — понуро голову склоняю, к холодильнику иду.

Кастрюлю с борщом достаю и на плиту ставлю подогреть. Котлеты готовые в микроволновку запикиваю.

— Пюре уже не успею приготовить. Так поешь? Салат сделаю.

— Хорошо, — кивает, разворачивается и из кухни выходит, а я дыхание перевожу.

Вот черт! На что надеялась? Ребенком мужа в семье удержать. Смешно! Таких историй полно, и лишь единицы в семье остаются, но только жизнь у обоих не завидная. Терпят муж и жена друг друга, а счастья нет.

Рот ладошкой прикрываю, чтобы всхлип сдержать. Нельзя плакать! Слабость свою показывать? Ни за что! Годы в детском доме научили терпению и выносливости, и как постоять за себя.

Ничего, я справлюсь! Сложно будет, но выдержу. Только надо до конца разобраться, что не обманываюсь.

Кусок шерсти за косяком еще ни о чем не говорит. Может, он там лежит со времен прежних хозяев, а порчу на их семью навели. Мы с Лешей ни при чем. Стечение обстоятельств да и только.

А наряды... Да, молодые офицеры на дежурства чаще попадают. К тому же, Лешка новенький в части. Вот и отдувается за других.

Оправдываю мужа в собственных глазах. Но верю ли?

Глава 4 Я доберусь до правды

Я, наверное, совсем умом тронулась, если решила последовать совету бабы Клавы и провести эксперимент с яйцами.

Понятия не имею, что старушка в них разглядеть собралась, но меня в данную минуту мучит вопрос: как это проверить, если муж в наряд уходит.

А яйца баба Клава просила принести завтра утром. К чему такая спешка? Неужели, порча настолько быстро действует, что дорога каждая минута?

В жизни не думала, что окажусь в подобной ситуации. Впору фильм снимать из серии ужастиков.

Но невольно задаюсь новым вопросом: а как бы поступила главная героиня?

Интуитивно вхожу в роль и наливаю полную тарелку горячего нажористого борща. К нему нарезаю сало домашнее с чесноком и черным перцем. В микроволновке котлеты подошли. Аж шкворчат золотистой корочкой на тарелке. Подрезаю огурчиков свеженьких и помидоров, только с грядки. На рынке купила.

— Леша, обед на столе! — кричу, а сама слышу как муж в ванной душ принимает.

Он перед каждым дежурством моется. И вообще, всегда тщательно следит за собой.

А в голове мысль проносится: в часть ли идет мой Леша? И не потому ли так старается, что это все обман?

Вместо наряда к любовнице смоемся или совместит дежурство с романтической встречей, если она тоже служит в части.

Кто же она: фельдшер из лазарета или радистка Кэт?

С каждой минутой вопросы прибавляются, а я топчусь на ровном месте, но руки не опускаю.

Ничего, Леша, я доберусь до правды! Даже посредством куриных яиц.

Вытаскиваю из холодильника две штуки и на блюдце кладу, чтобы остыли до комнатной температуры.

А муж выходит из ванной комнаты. На бедрах полотенце. По мускулистому торсу капли воды стекают. Другим полотенцем волосы просушивает, когда на кухню заглядывает.

— М-м-м, как вкусно пахнет! Уже слюной подавился.

Я тоже, глядя на Лешку. До чего красив, гад! Влюбилась в него, едва увидела два года назад. А как вспомню наш первый раз, когда бутон сорвал... Такой он нежный был и внимательный! И где это все...

— Садись кушать, пока не остыло, — дар речи обретаю и возле тарелки приборы раскладываю.

— Я оденусь сначала. Уходить скоро.

— Не надо, Леш! Случайно на форму борщ попадет. Пятно жирное останется.

— Верно, — соглашается и, как есть, усаживается за стол.

А я включаю ускоренный режим заботливой домохозяйки и компот из вишни в стакан наливаю. Любит Лешка запивать не чаем, а домашними фруктовыми напитками.

За два года выучила его привычки. Знаю, как облупленного. Так казалось, по крайней мере, до сегодняшнего дня.

Пока Леша обед уплетает, я со спины захожу и руки мягко на плечи кладу. К шее ближе продвигаюсь и легкими массажными движениями разминаю. Большими пальцами по шее выше поднимаюсь, нежно волос касаясь. По себе знаю, насколько такие прикосновения в сон вгоняют. Особенно, после сытного обеда.

— Ты бы полежал с полчасика, отдохнул, — шепчу ему на ухо. — Часть рядом. Успеешь на дежурство.

— Да, ты права. Надо бы сил набраться. Ночные караулы – дело ответственное.

— О да, — выдыхаю я, представляя себе живописные картины ночного дежурства в постели с другой.

Так хочется высказаться, но терплю. Нет доказательств. Никаких! Кроме того, что стал более раздражительным со мной. Интимная жизнь свелась к нулю. Раз или от силы два в неделю, но с трудом, словно выжат до предела. Сбросит пару капель и глядит с недовольством, словно я виновата.

Лешка из-за стола поднимается. Полотенце с бедер падает.

Взглядом скольжу вниз по торсу и на достоинство его поникшее смотрю. От моих прикосновений даже член уснул мертвым сном. Никакой реакции! Осталось дожидаться, чтобы и Леша захрапел.

Осторожно, чтобы не греметь, посуду мою и убираю остатки еды в холодильник. Вытираю руки насухо и в спальню прохожу. В дверях застываю, глядя на спящего мужа.

Ну как так-то? Это мой Леша!

Лежит такой милый на белоснежной простыне. Сопит в две дырки, руки за голову положив. Правда, боксерки натянул. Прикрыл свои яйца.

Я обратно за куриным возвращаюсь. В кулаке аккуратно яйцо зажимаю, согревая скорлупу. Как хищница, крадусь к кровати и замираю на месте: Лешка пошевелился.

Чешет набитый обедом живот и снова спит. Медленно выдыхаю и к кровати приближаюсь. Придется забираться на нее.

Одной стороной кровать к стене придвинута. А Лешка, как специально, не с краю улегся.

Ставлю колено на край кровати. Раздается легкое поскрипывание. Мысленно чертыхаюсь и ползу дальше.

Вот оно: тело мужа. Ладонь раскрываю и смотрю на светло-бежевую, чуть шероховатую скорлупу. Яичко тепленькое стало. Не должен Лешка вздрогнуть от неожиданности прикосновения.

Но баба Клава не сказала, где именно и как катать яйцо по телу. А в интернете я не успела поискать инфу.

Проявляя инициативу, кладу на живот мужа и затихаю. Нет, не проснулся. Осторожными движениями перекаत्याю яйцо выше, к груди. Вожу по области сердца, когда дыхание Лешки изменяется. Буквально, дышать перестает.

Быстро яйцо убираю и под подушку засовываю. Оборачиваюсь и встречаюсь с заспанным взором мужа:

— Лен, ты чего?

— Погладила тебя, — на ходу придумываю оправдание, проводя ладонью от живота до груди, повторяя путь яйца, словно и раньше то была моя рука. — Соскучилась просто.

— Так бы и сказала, — Лешка переворачивается, меня опрокидывает, подминая под себя.

А я головой на подушку падаю.

Хрясь!

Слышу приглушенный хруст.

Глава 5 Себе хоть не ври, Лена

Это фиаско! Надо же так позорно провалить эксперимент. И как теперь яйцо новое обкатать, если муж уйдет в скором времени?

Лежу. Пошевелиться боюсь. Лихорадочно соображаю: слышал ли Лешка хруст.

— Ты чего, как не родная? То пристаёт, то как бревно лежит, — ворчит Леша, зависая надо мной.

— Да так, — плечами пожимаю. — Послышалось что-то. Соседи, наверное.

Леша вздыхает. Голову склоняет и через меня перелезает. Встает с кровати.

— Леша, ты куда?

— На службу, — брюки форменные натягивает, на меня не смотрит.

— А как же я?

— Отвлекаться меньше надо, — рычит на меня. — Упал из-за тебя.

А у меня на душе сумбур: то ли радоваться, что ничего не вышло с ним, то ли огорчаться.

С одной стороны, я соскучилась по мужу. По его нежным ласкам, поцелуям. Но как подумаю теперь, что другая под ним извивается, стонет и имя его выкрикивает, тошнота к горлу подымается.

А может быть, наговаривают на мужа? А я, дура, поверила! Повелась на бредни старой бабки.

Какая к черту порча и приворот! Устал он просто. Смена воинской части, квартиру обещали, но не дают. Вот и хмурится в последнее время. Огрызается. Но ведь можно понять его, включив человеческий фактор.

Подскакиваю. К мужу бросаюсь. За шею обнимаю и к губам его тянусь.

— Лешенька, любимый, ну извини! Не уходи, пожалуйста! Останься ненадолго.

— Лен, да что ты, как маленькая, ей-богу!

За запястья хватает и руки с шеи убирает. Отворачивается к стулу, рубашку со спинки снимает.

А я настойчивость проявляю: сзади подхожу и обнимаю его за торс, руками в кольцо захватываю.

Лешка замирает. А под руками каждая мышца напрягается. Ладонью мягко по упругому прессу мужа провожу и ниже, к растянутой еще ширинке. В кулачок зажимаю его достоинство.

— Лена, не надо, — рычит, руку перехватывает и в сторону отводит.

— Почему нет? — вскипаю я, отпуская мужа. — У тебя другая появилась, да?

— Чепуху не гони, — рубашку надевает и застегивает.

— Леша, в глаза мне посмотри! Пожалуйста, — выдавливаю я.

Он вскидывает их, исподлобья смотрит, заправляя рубашку в брюки. Хищно смотрит. Ноздри раздувает. Зубы так сжал, что скулы сильнее выпирают.

А у меня по спине испарина проходит. Никогда Лешка так на меня не смотрел! Словно врага во мне увидел.

Слезы с трудом сдерживаю. Подбородок трясется, а в груди ком разрастается. Вдохнуть больно. Судорожно воздух ртом хватаю. Прижимаю к груди руку. Глаз с Лешки не свожу.

А он молчит. Ремень застегивает и китель надевает. По четыре звезды на погонах блестят. Капитана получил уже при мне.

А я невольно фразу вспоминаю из одного сериала: "Детей, как и звезды на погонах, заслужить надо". А я вот предложила мужу ребеночка завести, а он грубо оборвал меня.

Нет, Лешка. Права героиня фильма: детей заслужить надо. Как и доверие жены.

— Ответь мне, Леша! Только честно.

— Найди работу, Лена. От безделья совсем крыша поехала?

Одаривает меня испепеляющим взглядом напоследок. Выходит из спальни, а через минуту входная дверь хлопает.

А я так и стою посреди комнаты. Руки безвольно вдоль тела висят. В пустоту смотрю. Себя в ней найти пытаюсь.

И что это было? Ведь ушел от ответа. Ни да, ни нет. Но разве любящий муж так уходит на работу? И уже не впервые.

Потому слова бабы Клавы так задели. Нашли отклик в душе.

Всего два месяца в городке, а разлад начался едва ли не с первых дней. Не придавала особо значения, а зря...

На площадке дверь грохнула и раздался собачий лай. Сосед домой вернулся. В той же части служит, что и Лешка. Но домой каждый вечер бежит, к жене любимой.

А я...

Резко разворачиваюсь и к кровати подхожу. За край подушки берусь и осторожно поднимаю. Морщусь от брезгливости. Мысленно представляю яйцо всмятку, размазанное по простыне и наволочке.

Так и есть! Насыщенное ярко-желтое пятно. Хорошие куриные яички. Домашние. Вкусные. Только вот постельное менять придется.

Аккуратно снимаю наволочку. Подушку проверяю, насколько испортилась. Не совсем критично. Заодно и само яйцо, точнее, его остатки в слизистой белка изучаю.

— Что же ты, баба Клава, разглядеть в нем собиралась. По мне так, вполне нормальный цвет. Пахнет хорошо. Нет на моем Лешке приворота! Глупости все это. Просто устал, вот и нервный. А еще я со своими бреднями. Прав Леша, работу искать надо. А где? А в части! Ведь есть же какие-то гражданские должности там. В тот же чипок помощницей.

Воодушевленная этим решением, быстро заменяю постельное белье на свежее. Грязное в стирку и запрыгиваю в балетки, благо переодеваться не надо: как пришла в сарафане, так в нем и осталась. Закрываю дверь и спешу исполнить просьбу мужа: найти работу.

А в душе коварный червячок совести ворочается и шепчет: "Ну, себе хоть не ври, Лена! Ты ближе к мужу хочешь быть и на месте разобраться: изменяет он тебе или нет. Если разлучница в части служит, то выяснишь проблему быстрее, сама там находясь".

Сложно с этими доводами не согласиться. Стискиваю зубы и ускоряю шаг.

Глава 6 Волна ненависти

До КПП остается метров десять, когда я сбавляю скорость. На ходу пропускаю сквозь пальцы пряди волос, поправляя гриву. Заколку дома оставила. Но ничего, сойдет и так.

Машинально подол сарафана одергиваю и подтягиваю лиф. Все же женское начало преобладает в любой жизненной ситуации: как бы ни было хреново, выглядеть мы, девочки, должны на все сто процентов.

Резво избегаю на ступеньку и тяну дверь проходной на себя. Прохлада помещения так и манит. Переступаю порог, сбегая от душного летнего дня. Тут же попадаю под прицел зорких глаз дежурного по контрольно-пропускному пункту.

— Здравствуйте, — выдавливаю из себя улыбку.

За два года уже научилась распознавать воинские звания от рядового до майора. С вышестоящими не сталкивалась.

А вот по нашивке на погонах поняла, что передо мной прапорщик. Стоит и молчит. Ждет, что скажу. Я шумно втягиваю воздух и на выдохе спрашиваю:

— А как мне в отдел кадров попасть?

— Вам зачем?

— На работу хочу устроиться в часть.

— С паспортом в военкомат, если по контракту. Пройдете медкомиссию и...

— Нет, мне на гражданскую должность, — уточняю я.

— А, ну тогда вам кадровик наш нужен. Но он уже ушел. Завтра утром приходите.

— Черт! А сегодня никак?

Дежурный молчаливо руками разводит, а дверь с улицы открывается, и солдаты входят в сопровождении капитана.

Я к стене прижимаюсь, пропускаю военную мощь в камуфляже. Мальчишеский задор еще не пропал с их лиц, но выправка уже высоких и статных бойцов.

Смущаюсь под их взглядами. Глаза опускаю. Жду, когда пройдут. Но замыкающий шествие капитан не спешит.

— Прокопенко, кто это у тебя на проходной? — спрашивает у дежурного.

— Да вот, кадровика спрашивает. А он уже ушел.

— На работу, значит, — останавливается напротив.

А мне волей-неволей приходится глаза на мужчину поднять. Молча киваю в ответ.

— Фамилия ваша как?

— Иванова.

— А имя?

— Елена.

— О как! А вы случайно не в родственных связях с капитаном Ивановым Алексеем Григорьевичем?

— Да! Я жена его. А что?

— Так, через мужа скорее бы выяснили вопрос о трудоустройстве, Елена.

— Угу, только он постоянно в нарядах. Вот и сегодня ушел. А можно его позвать?

— Кого? — переспрашивает дежурный по КПП. — Капитан Иванов давно ушел, дома его ищите.

— Так..., — начинаю я робко, а другой добавляет:

— Подтверждаю: минут пять назад видели его. И шел явно не в часть. Наверное, вас по городу ищет, Елена. А вы тут торчите! Домой бегите, ужин скорее готовьте. Мужа ждите!

И хлопками подзадоривает прытко исчезнуть с контрольно-пропускного пункта.

А я и сама спешу убраться. Глупо улыбаюсь и к выходу продвигаюсь. Но на душе такой бардак!

Как же так? Что же это получается? Лешка мне врал?

Прикрываясь дежурством по части, он попросту свинтил к любовнице. И если бы я не пошла на КПП, то так и продолжала бы думать, что муж в наряде.

Жгучая волна ненависти захватывает настолько, что я едва не задыхаюсь. Рот ладошкой зажимаю, не даю рыданию прорваться. Только не на улице, где куча людей. Уже идут, оглядываются.

А мне уже кажется, что каждый встречный правду знает, только что пальцем не тыкают: "Вот, посмотрите! Ей Лешка изменяет, а она – дурочка наивная".

Иду. Губы кусаю.

Лай собаки за забором в чувства приводит. Осматриваюсь.

В смешанных чувствах я свернула не на ту улицу. Так и шла, не глядя и бездумно. А городок еще плохо знаю. Путаюсь в его улочках, где утыканы и частные домики, и возведены пятиэтажки.

Судорожно вздыхаю. Ладонью слезы по лицу размазываю. А в памяти слова капитана звучат, что пять минут назад моего мужа видел. Возможно, даже среди вот этих самых домов. Нежится сейчас в объятиях другой. Целует ее. Шепчет ласковые слова.

Слезы градом по щекам. Сдержать их поток я уже не в состоянии. Порывисто разворачиваюсь, чтобы бежать домой. А что там? Да уже неважно.

Но под ногу камешек острый попадает. Неловко ногу подворачиваю и с громким возгласом на землю оседаю.

Глава 7 Как тебе это удалось?

(Эдуард)

— Машка, проказница! А ну-ка, домой иди! Кому говорю?

Едва дверь дома открываю, как кошка между ног проскакивает и бежать. Знаю, что дальше забора не решится идти, но все же боязно. Машка – единственное существо на земле, которое у меня осталось.

А на улице собаки шныряют. Машины проносятся. Вроде бы и улица тихая, но закон подлости – единственный всегда действенный закон на земле.

— Машка, вернись! Вот зараза...

Последнюю фразу я произношу уже не кошке, а девушке, которая на моих глазах красиво, как на сцене, по ту сторону низкого забора, разворачивается, вскидывает руки и с громким воплем падает. Волосы темной волной взлетают и рассыпаются по плечам. Сидит на дороге и ревет. Лодыжку потирает.

Как водится в таких случаях, прохожие тут же исчезают. Помочь некому. Кроме меня, получается. А тут еще Машка! Кого первого спасти?

Быстрым шагом пересекаю небольшой дворик, отворяю калитку и направляюсь к девушке. Присаживаюсь перед незнакомкой.

— Позвольте? — и протягиваю руку к ноге.

Из-под занавеса густых волос проглядывает зареванное, но миловидное личико. Девушка молча головой кивает. Пухлые губки поджимает и шмыгает носом.

Смотрю на нее, мысленно возраст прикидываю. Лет двадцать, возможно, чуть больше. Девчонка совсем.

Снимаю с нее туфельку, осторожно пальцами ступни касаюсь. Продвигаюсь выше. Ощупываю щиколотку.

— Так больно?

Незнакомка вместо ответа шумно воздух сквозь зубы втягивает. Потом спохватывается и уже дрожащим голосом отвечает:

— Да. Перелом?

— Не похоже, но лучше сделать снимок. Для надежности заключения. Скорее, вывих. Надо бы холодное приложить, а потом тугую повязку. Подняться сможете? — сам на ноги встаю и протягиваю незнакомке руку.

Она стыдливо подол платья поправляет и смотрит на меня снизу-вверх. А я машинально глазами по улице шныряю: сколько любопытных глаз за ситуацией наблюдают. Навскидку, никого.

Но я не первый день в этом городке проживаю и работаю. Слухи рождаются на ровном месте, когда, казалось бы, никто не видит и не слышит.

Девушка хватается за мою руку, как утопающая. Легко поднимаю ее. И смотрю в распахнутые большие глаза, в которых столько боли. А мне на своем веку приходилось видеть ее в разных проявлениях. В том числе, различать физическую от психологической.

А незнакомка осторожно на ножку встает и охает, сжимая от боли мою руку.

— Понятно, — коротко подвожу итог и подхватываю ее на руки.

Тело совсем невесомое. Маленькая такая. Дюймовочка.

— Что вы делаете?

Озадачено на меня смотрит, рукой за мои плечи удерживаясь. Видимо, стоит пояснить свое решение:

— Окажу первую медицинскую помощь. Иначе завтра будет поздно. Вас как зовут?

— Елена, — произносит шепотом, а я непроизвольно на губы ее смотрю. Красиво очерченные. Натуральные. Нежно-розового цвета.

— А я Эдуард. Не переживайте, Елена! Приставать не в моих правилах. Я врач. Работаю в местной поликлинике и в больнице.

Она сразу выдыхает, а шеи ее горячее дыхание касается. На пальчике я успел заметить обручальное колечко. Значит, замужем. Тем более, стоит быть осторожнее.

Несу свою ношу через двор, а Машка впереди меня уже вышагивает. К дому направляется. Хвост задрала и белым пушистым задом виляет.

Хоть задачу мне облегчила: не придется ловить, оставив девушку одну в доме. Не потому, что не доверяю. Скорее наоборот, чтобы у нее лишних мыслей не зародилось.

Преодолеваю две ступеньки и через порог перешагиваю. Двери так и остались открытыми, когда я за Машкой рванул.

Девушка на руках практически не дышит. Представляю, что она уже себе там надумала.

Опускаю ее на диван в гостиной, да так, чтобы она ногу поврежденную вытянуть смогла. Под щиколотку диванную подушку подкладываю.

— Посидите так, а я за холодом схожу на кухню.

— Мне как-то неудобно, Эдуард, — лепечет в ответ, а я усмехаюсь:

— Это ночью спать будет не просто неудобно, а невозможно, если сейчас же не принять меры. Сидите, я быстро!

Выхожу из комнаты, а Машка в гостиной остается. Поздно приходит понимание, что зря оставил: кошка моя ревнивая до жути. Мало того, что поцарапать незнакомца может, так еще и за ноги кусает. Даже меня, несмотря на то, что хозяин уже пять лет. С норовом пушистая баба!

Ускоряю шаг. Из морозильной камеры шмат мяса достаю. Только утром закинул, когда один из пациентов принес свежую телятину в благодарность за помощь. Отказываться не стал. Хрен такое мясо где куплю. А поесть я люблю.

Возвращаюсь обратно и в дверном проеме застываю. Едва на пол не роняю замороженный кусок мяса. От увиденного челюсть опускается: Машка моя уютно на коленях Елены свернулась, а та за ушком ее почесывает. Еще и склонилась к самой морде и ласково что-то шепчет.

— Как тебе это удалось? — спрашиваю, не сразу замечая, что на "Ты" перешел.

Глава 8 Простите, не специально!

Реву, как белуга, посреди дороги. Не столько от боли в ноге, как себя жалко становится, до одури. Ну почему так? За что?

Наивная и доверчивая дуручка! Верила, что муж на дежурства уходит, а он... Врал мне! На протяжении двух недель точно, а то и больше.

А что если до приезда в этот город Лешка мне изменял? Ведь сознался, что женился ради корысти: очередь на квартиру.

Но в новую часть все равно за собой потащил. Цель-то не достигнута!

Слезы по щекам размазываю. Губы кусаю. А в голове мысль рождается: "Ничего, Лешенька! Я тебе еще отомщу".

Вот только на ноги встану. Но реву сильнее от боли в щиколотке. Мало по мне судьба ударила! Добить решила? А почему не по мужу? Несправедливо!

— Позвольте? — голос над головой раздается.

Я вздрагиваю от неожиданности. Спутанные пряди от лица отвожу и встречаюсь с настороженным взглядом незнакомого мужчины.

Суровый такой! Брови густые сдвинуты и складка между ними. Глазки узкие, прямо щелочки. А губы... Непроизвольно засматриваюсь на них: будто застыли в вечной усмешке. Вопросом задаюсь: а он когда-нибудь улыбается?

Мужчина на корточки присаживается. Аккуратно балетку с ноги стягивает и умело осматривает ногу.

Со свистом воздух в себя втягиваю, от боли зажимая подол сарафана в кулак.

— Ай! Перелом?

— Не похоже, но лучше сделать снимок.

Что-то еще говорит, но я плохо соображаю, не вникая в речь незнакомца. А он уже руку мне протягивает и помогает подняться.

Ага, не тут-то было! Едва на ногу ступаю, как новый приступ боли пронизывает тело снизу-вверх.

Судорожно за руку незнакомца хватаюсь. Едва ли ногтями кожу ему не протыкаю. Но он стоически переносит мое малодушие, подхватывает на руки и к дому направляется.

— Что вы делаете? — шепчу в испуге.

— Окажу первую медицинскую помощь. Иначе завтра будет поздно. Вас как зовут?

Ну круто! Так я еще ни с кем не знакомилась. Интуитивно по сторонам смотрю. Много ли свидетелей мелодраматической сцены? Не так уж чтобы, но видели.

А почему я, собственно, переживаю? Боюсь, что мужу донесут? Так Леша только рад будет. Спокойно к любовнице уйдет. Мешать ему не стану, бегая на КПП. Наверное, тот офицер уже позвонил и доложил по-братски, что жена выискивает. Мужская солидарность!

— Елена, — выдавливаю из себя, а он Эдуардом представляется.

Говорит, что врач. Нервно посмеиваюсь. Вот так удача: грохнуться перед домом врача, чтобы уж наверняка и побыстрее помощь получить. Низкий поклон тебе, судьба-матушка! Что еще придумала? Огласи уже полный список, пожалуйста.

Резко выдыхаю, пока Эдуард за холодным компрессом выходит. Глазами комнату обвожу.

Стол круглый дубовый посреди комнаты, на массивной ножке. Шкаф старинный с зеркальными дверцами. Ловлю в них собственное отражение и машинально волосы поправляю.

Ну и видок у меня! Лицо опухшее от слез. Нос размером с картофелину. На голове кипиш. От такой не то чтобы мужик к любовнице сбежит, а и вовсе уйдет.

Нет, надо брать себя в руки! В интернате бы давно зачморили за лишнюю слезу. Расслабилась я с Лешкой. Думала, что под защитой теперь. За крепкой стеной. Но нет! Заблуждалась.

Пора вернуть прежнюю Ленку. Сильную, способную оказать сопротивление.

У двери движение замечаю. Белое пушистое облако молниеносно пересекает комнату и прыгает мне на колени.

Я и охнуть не успеваю, как кошка вальяжно устраивается на мне, хвостом по лицу задевает. Почему-то сразу решаю, что это самочка. Больно уж красивая, ухоженная, с голубыми глазами.

— Это кто у нас такая пышная барышня? — глажу ее, склоняясь ниже, за ушком почесывая. — Красавица какая!

— Как тебе это удалось? — раздается от двери.

Я голову поворачиваю. Смотрю на Эдуарда с непониманием. А сама невольно к кошке прижимаюсь, словно она – мое спасение.

— Простите, что именно?

— Моя Машка – злобная хищница. Даже молочницу и ту кусает. А у тебя лежит на коленях, да еще бессовестно ластится.

Эдуард говорит, а сам мне на ногу замороженный кусок мяса кладет. Я интуитивно за Машку хватаюсь, глаза от ужаса округляю. Кошка извивается в руках. Шипит.

— Укусила? — спохватывается Эдуард.

— Нет, — через силу выдавливаю я, — мясо очень холодное. Просто обжигает! Капец какой-то.

— Уф, напугала! Я уж думал, Машка вспомнила свое предназначение.

— А вам так хотелось, чтобы укусила? Ревнуете ко мне своего питомца?

Эдуард брови вскидывает и хмурый взгляд на миг озаряется лихим мальчишеским задором. А по комнате разносится его искренний смех. И глаза блестят под густой линией бровей.

Все-таки, умеет этот человек улыбаться!

— А вы какой врач? — перевожу тему разговора.

— Травматолог-ортопед.

— Ну, круто я попала. Простите, не специально!

— Надеюсь, — губы вновь в усмешке искривляются, а Эдуард мобильный достает и номер набирает. — Стефания Андреевна, если я сейчас человечка на снимок подвезу, организуете?

Глава 9 Утешение для души

— Слушайте, Эдуард, мне совсем неловко, что вы..., — начинаю мямлить, а он перебивает:

— Ты по комнате и шагу не ступишь. Как до больницы дойдешь?

— Мне бы домой. Сами же сказали, что вывих. Сделаю тугую перевязку и...

— ... и ночью взвоешь от боли, если я оказался не прав, и в кости все же трещина. Да, Елена? А после все равно ко мне на прием, но восстановление уже будет более длительным.

Смотрю в его суровые глаза. Нет, не шутит! На полном серьезе говорит. Дядька взрослый, умный. Мысленно усмехаюсь: дядька. По виду выглядит как мой Лешка, а ему в этом году тридцать исполнилось.

Воспоминания о муже болью отзываются, и не только в ноге. Вот где он сейчас, когда его жена страдает от физического недуга? Резвится с другой. Нежится в ее объятиях.

Зажимаю переносицу, чтобы не расплакаться при Эдуарде. А от него ничто не укрывается.

— Нога болит или душа? — спрашивает, а сам таблетку мне протягивает и стакан воды, поясняя: — Обезболивающее.

— Спасибо, — глотаю средство, но больше воде радуюсь. После пролитых слез в горле пересохло. — Почему вы так решили?

— Как сказал Петроний: "Врач не что иное, как утешение для души".

— А я еще слышала, что если больному после разговора с врачом не стало легче, то это не врач.

— Бехтерев сказал, — соглашается он, забирая у меня стакан, — Владимир Михайлович, великий русский ученый, знаменитый исследователь мозга. Многие его выражения стали крылатыми, правда, по большей части, среди медиков. Ты подожди немного, я переоденусь и провожу до машины.

— Эдуард, но мне неудобно! Я на такси могу. Вы только направление мне выпишите на рентген и...

— Даже не обсуждается, Елена! — жестом прерывает поток моих слов и выходит из комнаты.

А я сижу на диване с холодным компрессом на ноге, поглаживая пушистую белоснежную шерстку кошки.

Она так и осталась возле меня, к удивлению своего хозяина. Чувствует, что мне плохо. Не зря говорят, что коты – сильные эмпаты и способны перенимать боль хозяев. Но ведь я чужая для кошки!

Выходя из дома, я захватила с собой дамскую сумочку, куда ключи от квартиры бросила. И только сейчас вспоминаю, что мобильный остался в другой сумке, с продуктами. Я в нем сверялась по списку, что купить.

Интересно, а вдруг Леша мне звонил? Что если сердце у мужа дрогнуло, когда я ногу подвернула. Ну а что? Так бывает. Угу, только, когда любят. А Лешка...

Но ведь не доказано еще, что изменяет. Он мог до дежурства зайти куда-нибудь по делу, потому его в части еще не было, когда я на КПП пришла.

Сижу тут, в чужой квартире у незнакомого мужчины, и выгораживаю собственного мужа. Бред какой-то...

— Я готов, Елена.

Эдуард возвращается. Невольно пробегаю взглядом по его высокой, подтянутой фигуре, облаченной в костюм темных тонов. Задерживаюсь на легкой небритости на лице и глазах под густыми бровями, отчего общий облик Эдуарда становится более суровым. А мне произ-

вольно хочется выпрямиться перед ним по стойке смирно. И перечить уже не имеет смысла. Этот человек сделает так, как посчитает нужным. Уж такое складывается впечатление, глядя на Эдуарда.

— А как вас по отчеству? — спрашиваю, снимая с щиколотки подтаявший кусок мяса.

— Новиков Эдуард Альбертович, — полностью представляется он, а я не удерживаюсь от восклицания:

— Ого, как высокопарно! Ваш отец, наверняка, тоже светило науки? Семейная династия врачей?

— Практически, Елена. Мой отец всю жизнь провел в карете скорой помощи. Спасал жизни людей, только вот на один вызов так и не успел доехать...

Эдуард неожиданно замолкает. Смотрю, как на его лице скулы задвигались. Глаза потемнели. Вот и его душа болит до сих пор. Даже без слов понятно.

И так хочется проникнуть сквозь туманную занавесь, чтобы узнать больше, но нельзя. Я чужая для него. Не раскроется.

Чтобы сменить неприятную для Эдуарда тему, я перекладываю с одной руки на другую холодный кусок мяса. Этим отвлекаю его от мыслей.

— Ах да, давайте, уберу обратно в морозилку, — спохватывается он, а я улыбаюсь, подмечая:

— Вы ко мне то на "Ты" обращаетесь, то на "Вы". Не лучше ли уже прийти к единому решению?

— Не против на "Ты"? — тут же откликается.

— Взаимно?

— Ну конечно!

— Хорошо. Спасибо тебе, Эдуард, за то, что так вовремя оказался дома и помог мне. У тебя выходной, а я так некстати его испортила?

— Наоборот, Елена. Ты развеяла скуку. Мы бы сейчас с Машкой сидели и тупо пялились в телевизор, переключая каналы. А так...

— Опять работа, да? Не устаешь от каждодневного вида различных травм?

— Нет. Меня больше радует, когда пациенты снова возвращаются к полноценной жизни, порой забывая поблагодарить и не вспоминая, кто их вылечил. Осторожно, поднимайся!

Эдуард подает руку. Я спускаю ноги на пол. Опираясь на доктора, потихоньку встаю, перенося вес на здоровую ногу.

— Не торопись, — направляет меня Эдуард, и мы потихоньку преодолеваем расстояние до входной двери.

Машка трется у моих ног, даря тепло и уют. А Эдуард усмехается, глядя на свою любимицу:

— Ну ты погляди на нее! Машка, ах ты изменщица.

А от его случайно брошенной фразы я замираю на месте.

Глава 10 Что болит сильнее

Уже ничего не будет как прежде...

Я до боли закусываю губу и зажмуриваюсь. Однажды породив сомнения в себе, Лешке не удастся оправдаться. Я каждый раз буду ловить себя на мысли, что он обманывает меня. Даже если это не так.

Как прежде уже не будет.

Бабе Клаве удалось открыть мне глаза на очевидное. Сколько бы я еще заблуждалась!

Ведь Лешка сам признался, что женился на мне ради очереди на квартиру. Да, я понравилась ему, несомненно, но только потому, что не стыдно представить сослуживцам красавицу жену, моложе его на девять лет.

Но почему не быть со мной счастливым? Ведь в сексе все хорошо! Я видела, что мои робкие попытки доставить мужу плотские удовольствия достигали успеха.

Мы часами говорили на разные темы. Смеялись над фильмами, обсуждали книги. Что не так? Почему Леша отдалился от меня?

Стою на крыльце у дома Эдуарда и не двигаюсь с места. Хоть шаг, и я не совладаю с собой. Хочется спрятаться, скрыться от всех. Никого не видеть и не слышать. Так больно!

— Елена, ты не ответила на мой вопрос, — раздается приглушенный голос Эдуарда.

Он стоит на ступеньку ниже. Открываю глаза и встречаюсь с ним взглядом. Буквально, ныряю в омут его внимательных карих глаз.

— Какой вопрос? — шепчу в ответ.

— Что болит сильнее: нога или душа.

Шумно ноздрями втягиваю воздух и отвожу глаза. Черт, как щиплет! Слезы непокорно пробиваются наружу. Увлажняют веки. И вот уже слезинка бежит по щеке.

Смахиваю ладошкой. Судорожно выдыхаю. Головой качаю:

— Не спрашивай!

— Хорошо. Не буду. Но если станет невмоготу, адрес знаешь. Даже если просто выговориться. Дверь открыта для тебя! Даже Машка против не будет.

Упоминание о белой хищнице вызывает смех, пусть и сквозь слезы. Шмыгаю носом. Насухо вытираю глаза.

— Все! Прошло. Можно ехать, — подвожу итог.

Как бы сказали психологи и даже сам Бехтерев: я дошла до пятого этапа принятия неизбежного. Старая жизнь развалилась, как картонный домик. Что бы ни сулила новая, она будет иной. И вот тут все в моих руках! С Лешей или без...

Ведь как-то же я жила до него! Смогу и теперь. Гордо вскидываю голову. Делаю шаг.

— Ой!

А про ногу-то я забыла! Всей тяжестью тела встаю на нее и падаю на Эдуарда.

Он ловко подхватывает на руки и бережно прижимает к себе. Несет к машине, которая стоит тут же, во дворе.

И как-то чувствую себя изменщицей. На руках чужого мужчины. Пусть и проблема в ноге, но все же...

А Эдуард уже в машину усаживает, на заднее сиденье. И снова под ногу подушечку подкладывает. Такая забота заставляет сердце сжиматься.

— Спасибо тебе, — шепчу.

А он задумчиво на меня смотрит. Ничего не говорит. Дверцу закрывает, обходит машину и, прежде чем на водительском кресле устроиться, ворота открывает. Ну как, ворота... Низенький заборчик в сторону отводит.

А я приятный аромат вдыхаю. Немного сладости и чего-то еще, неуловимого. Ароматизатор болтается под зеркалом дальнего вида.

— Так пахнет вкусно, — ухожу от неприятной темы. — И комфортно в машине.

А Эдуард усмехается:

— В моей-то развалюхе?

— Ну, почему же? Вполне, приличная машина.

— Я купил ее с рук лет десять назад. До сих пор расстаться не могу. Поменял все внутренности, сердце тачки работает как часики.

— Сразу видно: хирург во всем, — замечаю я. — Хотя, я заблуждаюсь, наверное, в специальностях, да?

— Не совсем. Хирург и травматолог одинаково в операционной обитают, только каждый по своему профилю работает. Ну а если следовать твоей логике относительно машины, то все же замену ходовой части я не своими руками производил. Но и сам не прочь иногда под капот заглянуть.

— И колесо заменить сможешь?

— Обижаешь, — смеется, а я ловлю его лучистый взгляд в зеркале заднего вида.

И как сразу меняется выражение лица Эдуарда. Буквально, другой человек перед тобой. Интересный такой! И загадочный. Есть в его жизни тайна. Узнаю ли? Посмотрим...

Вскоре к больнице подъезжаем. Я частенько мимо нее проходила, когда на рынок шла.

Эдуард въезжает на территорию и мобильный телефон достает. Быстро кому-то распоряжение отдает по поводу кресла-каталки. Ну конечно, нести меня на руках на глазах медперсонала не самое лучшее решение.

С помощью Эдуарда, я пересаживаюсь в кресло, которое быстро подкатила санитарка. Она же и везет меня в приемный покой. Но мы минуем стойку, где оформляют новоприбывших пациентов.

Санитарка толкает каталку вглубь коридора и подвозит к двери, на пороге которой возникает шикарная девица.

Стоило ее увидеть однажды, чтобы запомнить навсегда. Стефания...

Глава 11 Я все довожу до конца

Когда Эдуард созванивался по поводу снимка и произнес имя, я не провела параллель между Стефанией Андреевной и той эффектной брюнеткой, которую увидела впервые примерно месяц назад. Я попросту забыла о ней.

Леша получил приглашение на день рождения сослуживца. Взял меня с собой, разумеется. Объяснил, что в непринужденной атмосфере ему легче влиться в коллектив.

День рождения отмечали в ресторане. Шумной толпой. Там-то я и увидела ее.

Высокая и стройная, она притягивала взгляды не только мужчин. Я откровенно любовалась грацией черноволосой девушки, когда она изящно двигалась в такт музыки. Ее чарующая улыбка, казалось, предназначалась всем, и непроизвольно губы растягивались в ответной улыбке. А глаза отмечали изумительный красный цвет ее помады, который подходит далеко не всем.

И вот она стоит передо мной, облаченная не в черное вечернее платье, а в форму медика, но насколько элегантно выглядит в ней. Волосы собраны в высокий конский хвост. Лицо открытое. Идеальные черты. Ни одного изъяна!

И эта красавица работает в больнице, вместо того, чтобы украшать обложки глянцевого журнала.

Ловлю на себе удивленный взгляд темных глаз в обрамлении длинных пушистых ресниц.

— Так это о вас говорил Эдуард Альбертович?

— Д-да, — я обретаю дар речи, — видимо.

— Ну ничего себе, — выдыхает она, открывая дверь рентген-кабинета шире и пропуская санитарку с каталкой, на которой сию я. — Как тесен мир!

— О чем вы? — недоуменно переспрашиваю.

— Да так, не обращайтесь внимания.

Но я продолжаю пялиться, чем снова вызываю изумление Стефании Андреевны.

— Почему вы так смотрите на меня?

— Простите, — смущаюсь и опускаю глаза, выпаливая, что на языке крутится, — вы очень красивая!

— О как, — смеется санитарка, помогая мне переместиться с кресла на стол для дальнейшей процедуры.

А вот Стефанию мое признание не смешит. Она вскидывает идеальной формы брови, чуть закусывает нижнюю губу, но все же отвечает:

— Спасибо! Редко, когда услышишь комплимент от женщины, особенно, если он искренен.

Я не успеваю что-то сказать, оправдаться за свое не совсем тактичное поведение, когда в кабинет заходит Эдуард.

Белый халат небрежно наброшен на плечи, но даже эта незначительная деталь абсолютно меняет его облик. Если у себя дома Эдуард позволил себе улыбнуться и пошутить, то в больнице я увидела совсем другого человека.

Между бровей пролегла глубокая складка. В глазах сталь. Губы плотно сжаты. И вовсе это не Эдуард, а именно Эдуард Альбертович. Никак иначе!

— Ну-с, Стефания Андреевна?

— Одну минуту, доктор.

Быстрые, отработанные движения. И вот уже снимок готов. Эдуард Альбертович внимательно его изучает, а я молчу. Не вмешиваюсь. Лихорадочно соображаю, сколько уже прошло времени с тех пор, как я ушла из дома.

Хотя, кому какая разница? Лешки все равно дома нет. И даже не скорее всего, а так и есть. Обманывает он меня. Права баба Клава! Вот только доказать я не в состоянии. И даже по яйцам не узнать. Бабуля завтра будет меня ждать, а я...

— Хорошие новости, Елена, — от мыслей отвлекает голос Эдуарда Альбертовича.

— Перелома нет?

— Более того, даже трещины нет. Вывих, как я и говорил. Уже легче!

— Вот и замечательно! Спасибо вам! Тогда я пойду?

— Вот так сразу? — вскидывает бровь, а я теряюсь в догадках.

Перевожу взгляд с доктора на Стефанию, и меня мысль озаряет:

— Да, конечно! Сколько я вам должна? И еще за снимок!

— Елена! — строго обрывает он, а я напрягаюсь еще больше.

— Что?

— Я не про деньги.

— А про что?

— Вам в процедурном наложат тугую повязку, и я отвезу вас домой.

— Но...

— Спорить будете уже на приеме, когда придете на осмотр в поликлинику. Зина, вы поможете? — обращается к ожидающей дальнейших распоряжений санитарке.

— Непременно, Эдуард Альбертович! Отвезу в процедурную, потом к машине доставлю.

А я так и вижу на ее лице бегущую строку с вопросом: "Кто ж ты такая, Елена, что сам Эдуард Альбертович так за тебя переживает? Уж не родственница ли?"

Но и молчаливая Стефания поглядывает на меня с тем же удивлением. А что я могу ответить? А ничего! Сама в шоке.

Повязку мне водрузили на ногу довольно быстро и профессионально. Отчего даже легче стало. Но вставать на ногу все же не решилась. Так и вернулась к машине доктора на кресле.

Санитарка сдала с рук на руки, а Эдуард Альбертович уже усадил в машину. Опять на заднее сиденье и подушечку под ногу. Чего мне стоило снова не пустить слезу от умиления!

— Адрес скажите, — просит он, так и не переходя опять на "Ты". Я называю, а он новый вопрос задает: — Вас кто-то ждет дома?

— Нет, — глухо отвечаю и отвожу глаза, чтобы не встречаться с ним взглядом в зеркало заднего вида. — Муж на дежурстве, в части.

— Понятно. Тогда я провожу до квартиры.

— Не стоит, Эдуард Альбертович! Вы и так для меня много сегодня сделали.

— Елена, я врач. Как думаешь, если я посреди операции развернусь и уйду — это нормально?

— Но то операция, — пытаюсь возражать.

— Я все довожу до конца!

А я лишь вздыхаю в ответ, покорно сложив оружие и проиграв в битве. Смотрю через окошко на знакомую улицу, когда подъезжаем. На старый облезлый дом, где мы живем. И глазам не верю: из подъезда выходит Леша и быстрым шагом к машине приближается...

Глава 12 Достала до чертиков

— То есть, — замираю я с открытым ртом, глядя на мужа сквозь окно в машине, пока Эдуард паркуется. — Как это? Леша дома?

Но муж не просто вернулся. Он еще и переодеться успел в гражданскую одежду. Черные джинсы. Такого же цвета футболка обтягивает накаченный торс Лешки.

Смотрю на него и судорожно сглатываю, а по телу тремор проходит, когда встречаюсь с холодным взглядом мужа. Словно это не я Лешку в измене подозреваю, а он меня с поличным поймал.

Ну, так и есть: муж на службу, а жена шасть за порог и катается с другим на машине по городу. Ах да, Эдуард еще на руках меня носил.

— Муж? — спрашивает доктор, оборачиваясь ко мне, прежде чем выйти из машины.

— Да, — выдыхаю. — Алексей Иванов, служит в части.

Зачем я уточнила этот нюанс? Но что вылетело, то вылетело. А Лешка уже к машине подходит. Откуда только узнал, что это именно я подъезжаю к дому?

Да, окна кухни выходят на сторону подъезда. Но мало ли кто приехал. А Лешка выскочил так, словно давно меня ждал и знал до мелочей.

— Вечер добрый, — здоровается Эдуард, первым выходя из машины и протягивая руку моему мужу. — Новиков Эдуард, врач травматолог.

— Добрый, — буркнул в ответ и представился проще: — Алексей.

— Я стал невольным свидетелем падения вашей жены. Оказал медицинскую помощь и счел нужным свозить на снимок.

— Что-то серьезное? — Лешка кидает взгляд на меня, когда я открываю дверцу и старательно продвигаюсь к выходу.

— К счастью, нет, — Эдуард не дает мне возможность ответить самой, придерживая дверцу машины, пока Леша протягивает руки и помогает мне выйти.

Я ступаю здоровой ногой в балетке на гравийную дорожку. Вторую туфельку затолкала в сумочку еще в доме Эдуарда. Смущенно вскидываю глаза на доктора:

— Спасибо вам, Эдуард Альбертович!

— Берегите себя, Елена! И да, по возможности, придите на прием. Осмотрю вашу ногу. А теперь покой и никакой активности!

— Да, я постараюсь!

— Если будет беспокоить, на ночь примите обезболивающее средство, — отдает последние рекомендации и садится за руль.

Я осторожно опускаю забинтованную ногу на носочек, удерживаясь за Лешу. Непроизвольно морщусь.

— Ты не мог бы меня на руки взять?

— Так не доковыляешь?

— А тебе сложно?

Но его ответ заглушает звук двигателя. Эдуард трогается с места, и машина плавно отъезжает. А я с некоторым сожалением смотрю ему вслед.

Провела в компании доктора пару часов, но Эдуард успел оставить о себе неизгладимое впечатление. Он без вопросов подхватывал меня на руки, как пушинку переносил с места на место. А тут какие-то наезды со стороны мужа.

— Какого черта тогда вообще вышел встречать, если помочь не хочешь? — сорвалась я на мужа.

— А какого хрена ты вообще где-то шарилась? — вопросом на вопрос отвечает Леша, а я закипаю от негодования:

— Я не имею права выходить из дома?

— Имеешь, но насколько помню, ты перед моим уходом вернулась из магазина.

— И что? Забыла кое-что купить, вот и пошла.

— Ленка, хватит врать! Зачем ты поперлась на КПП?

О как! Ну разумеется, мужская солидарность! Я даже не удивлена, что Лешке тут же отзвонились, предупредив, что жена его ищет. Неужели, только этот нюанс заставил его бежать от любовницы? Вот так поворот!

— Нет, Леша! Лучше ты ответь мне, пожалуйста: почему ты лгал мне, что идешь на дежурство, а сам пошел в другую сторону?

— Да легко, Лена! График сменился. Об этом узнал, не доходя до части. Вернулся домой, а тебя уже нет. Все, успокоилась?

Смотрю на мужа. Он в ответ. Даже глаза не отводит. Предельно честно и откровенно. Неужели, я настолько промахнулась? И бабка Клава тоже!

Но червячок сомнения уже прочно засел в душе и достать его проблематично. Я хмуро поглядываю на Лешку, а он вдруг склоняется. Подхватывает одной рукой меня под колени, второй за спину удерживает и на руки берет.

— Довольна?

— Леш, скажи честно: у тебя кто-то есть?

— Ленка, если не заткнешься, я в канаву тебя сброшу. Достала до чертиков!

А я за шею его обнимаю. Прижимаюсь к мужу. Он так вкусно пахнет! Мой любимый аромат мужского парфюма с нотками можжевельника.

Лешка аккуратно меня в подъезд заносит, по ступенькам на второй этаж поднимается. Одно хорошо в старом доме: лампочки светят исправно.

Возле двери на коврике замечаю тот самый клочок шерсти, который нашла за плинтусом, да так и не выбросила.

А мысли вновь возвращаются к прежней теме. И новый вопрос крутится в голове. Ведь кто-то же доложил мужу о том, что из больницы я на машине приеду...

Глава 13 И как это понимать?

График сменился, значит. Хорошо. Допустим, что это правда. Но почему тогда я не встретила мужа по дороге в часть? Не такой уж большой интервал по времени между нами был, когда я следом выскочила.

И куда он свернул, если не доходя до КПП, он узнал о том, что на дежурство не надо?

Конечно, у мужчин бывают собственные дела и заботы, неведомые нам, женщинам. Но оттого легче на душе не становится. Вопросы множатся, а ответов как не было, так и нет.

А еще яйцо куриное не дает возможности обрести тот покой, о котором предупредил Эдуард. Да и активности во мне не меньше, едва Лешка опускает меня на пол, когда мы входим в квартиру.

Первым порывом броситься обратно за порог и выкинуть к чертям тот комок шерсти на коврик. Но вовремя себя торможу. Сначала следует в интернете прочитать, как с этой гадостью справиться.

Бежать и искать бабу Клаву не вариант. Во-первых, нога. Во-вторых, как объяснить свои действия мужу?

А я решаю пока хранить находку в тайне, как и обряд с яйцом, которое до сих пор лежит на блюде в кухне и ждет своего часа быть обкатанным по моему телу.

Но какой теперь толк в этом? Бабу Клаву я завтра утром не увижу. Не факт, что доковыляю до магазина. К тому же, рисковать и катать новое яйцо по Лешке я не буду.

Да и тот злополучный комок шерсти говорит сам за себя: порчу наложили. Кто? Пока под вопросом. Но интернет в помощь, как избавиться от этой дряни без содействия старушки.

— Лен, чайник поставь! — кричит Лешка из комнаты, включая телевизор.

— Хорошо, — отвечаю, а сама аккуратно по кухне передвигаюсь.

На столе обнаруживаю свой забытый мобильный телефон. А ведь я точно помню, что из сумки хозяйственной его не доставала. Как и прочие продукты, когда по возвращению из магазина отвлеклась на страшную находку под порогом и после на обед для мужа.

Включаю экран. Пропущенный звонок от Леши. Все-таки, беспокоился. Позвонил. Нашел по звуку мелодии телефон и понял, что жена усвистала из дома без девайса.

Больше сообщений нет. Ладно. Нажимаю на поисковик. Ввожу запрос про порчу и комок шерсти. Присаживаюсь на табуретку, укладывая больную ногу на другой стульчик.

Все же прав Эдуард Альбертович: покой нужен. Хотя бы, физический. Ноющая боль горячей волной поднимается от ступни и проворно пробирается вверх по ноге. Я не сдерживаю стон.

— Лен, ты чего? Нога болит? — на кухню Леша заглядывает и вовремя: чайник выключает на первом свистке.

— Да, — честно признаюсь.

— Выпей таблетку и марш в постель! — командует Леша, открывая кухонный шкаф, где в коробочке лекарства храним.

Копошится. Находит нужное средство и воды в стакан наливает.

Смотрю на мужа. Не настолько я противна ему, если даже порча действует. Хоть какая-то, но забота.

А есть ли между нами разлучница или нет, пока неважно. Я все равно обязана очистить семью от наведенной гадости. Об остальном потом подумаю.

Все равно уже спать спокойно не смогу, пока тот кусок шерсти под порогом валяться будет. Противно как-то! Мерзко.

Выпиваю таблетку. Поднимаюсь. Сжимая в руке мобильный, ковыляю сначала в ванную, чтобы умыться и хоть как-то привести себя в порядок.

Стягиваю сарафан и бросаю в корзину для грязного белья. Фыркаю над раковиной, ополаскиваясь. Действую, скорее, механически, чтобы хоть как-то себя занять. От постоянных дум уже голова пухнет.

Обернувшись в полотенце, ковыляю в спальню. Натягиваю пижаму и с блаженством опускаюсь на кровать. Как мало надо для счастья! Вытянуть ноги и прикрыть глаза.

— Лен, давай я в другой комнате на диване посплю сегодня? — раздается от порога голос мужа.

Приоткрываю глаза. Смотрю не без удивления. И как это понимать?

— У тебя нога болит. Я мешать только буду. Спи спокойно, развалившись, как вздумается, — поясняет Леша, а я невольно улыбаюсь.

Нет, все-таки, заботится! Дело не в любовнице и в том, что муж не хочет спать в одной кровати.

— Хорошо. Спасибо, Леша! Утром на службу?

— Да, как обычно. Завтрак приготовлю сам!

— Замечательно, — выдыхаю и откидываюсь на подушки.

А воспоминания тут же рисуют картины яйца всмятку, когда я эксперимент провалила. К счастью, белье постельное сразу поменяла. Сейчас бы сложнее было.

Вновь возвращаюсь мыслями к порче. Открываю на мобильном статью про подклад из шерсти. Читаю. Прозреваю.

— Ну ничего себе!

Глава 14 Из меня еще тот поджигатель

Уснуть удастся далеко не сразу. Перечитав статью вдоль и поперек, я после нахожу другие подтверждения написанному: на форумах, где сидят очевидцы подобных событий.

"Подклад из шерсти обычно имеет вид клубка из соединенной шерсти разных животных, но зачастую собаки и кошки", — вспоминаю я отрывки из статьи, ворочаясь с боку на бок. Но из-за травмированной ноги никак не удастся найти оптимальное положение тела.

От сверкнувшей молнии за окном я зажмуриваюсь и невольно съеживаюсь, ожидая удар грома. Тот не заставил себя долго ждать. С ожесточенным треском он разорвался за окном.

Прикрыв ладонями уши, я зарываюсь под подушку. Только что не осыпаю себя крестным знаменем, проводя аналогию между разразившейся непогодой и комком шерсти на пороге квартиры.

"От подклада следует не просто избавиться, а провести очищающие и защитные обряды, чтобы устранить воздействие порчи".

Какого черта? В какую мистическую шнягу мы попали с мужем? У нас на дворе двадцать первый век!

Но следующие строки все же заставляют задуматься: "Первые проявления колдовства обычно наблюдаются в течение двух недель".

А ведь и правда! Изменения в Лешке я заметила не сразу, а спустя время. Да, он любил доминировать, но в силу того, что старше меня на девять лет это вполне нормально. Я ребенок по сравнению с ним, потому позволяла мужу командовать и слушалась его.

Но одно дело проявлять властный характер по отношению к жене и другое — игнорировать ее. Помимо всего, мы стали ссориться. Этот момент также указали в статье.

Я вздыхаю. В ночной тиши, в паузе между громовыми раскатами, вздох звучит довольно громко.

Слышу, как скрипит старый диван под Лешкой и доносится его недовольное ворчание. А память уже восстанавливает новую фразу: "Жертвы порчи начинают проявлять агрессию не только в семье, но и на окружающих".

Вот это приехали, называется! Не хватало только до рукоприкладства дойти.

Кое-как устраиваюсь удобнее на кровати, стараясь не скрипеть и не будить мужа. И под утро проваливаюсь в глубокий сон.

Проснувшись, долго лежу и слушаю тишину. Лешка уже ушел на службу. Будить не стал или не захотел. Вот и теряйся теперь в догадках, как правильно.

По словам мужа, он не изменяет мне. Доказательств никаких, кроме предположений с подачи старой бабки. Но и нормальными наши отношения не назвать. Недосказанность какая-то, а это еще больше раздражает и заставляет мучаться.

За остатки ночи успеваю отлежать бока от неудобных положений тела. Осторожно потягиваюсь, прислушиваясь к себе. Нога, вроде бы, не болит. Но это потому, что я лежу.

Усаживаюсь на кровати и спускаю ноги на пол. Щурюсь спросонья, глядя на настенные часы. Почти девять утра. Вот это я продрыхла! Никогда себе не позволяла столько валяться, привыкнув все дела выполнять с утра.

Прихрамывая, плетусь в ванную. Все же да, вывих ощущается. Но снимать повязку не рискую. Так и буду ходить дальше, пока сам доктор не велит. Ведь советовал прийти на осмотр. Надо бы сходить. В местной поликлинике я еще не была. А пока...

В коробе с грязным бельем вытаскиваю носок мужа. В статье говорилось, что подклад ни в коем случае нельзя трогать руками. Подобрать при помощи не нужной вещи и сжечь, уничтожив и ту самую вещицу. Но не дома, а на улице. И уйти, не оглядываясь.

Спешно одеваюсь. Ноги в шлепки. В балетки, увы, с повязкой на ноге я не влезу.

До обеда не так много времени, а когда вернется Леша – вопрос. Я вообще сбилась с его графика из-за постоянных дежурств. Конечно, если они имели место быть. Но оттого совсем не легче.

В маленькую сумочку запихиваю телефон и спички. Лешка не курит, но я всегда покупаю упаковку для газовой плиты. Никогда не знаешь, когда еще пригодятся.

Медленно перевожу дух и открываю дверь. Глазами шарю по коврику. Что такое? Где комочек злополучный? Неужели Лешка выбросил, когда из дома выходил? Руками касался? Ведь нельзя! Строго-настрого в статье говорилось об опасности.

Шумно выдыхаю. А в груди сердце колошматит. Аж дух захватывает! Что теперь делать?

Перешагиваю порог и выхожу на площадку. Помимо нашей квартиры, еще две. За одной из дверей шорох раздается и тихое поскуливание соседской собаки.

Непроизвольно на двери их смотрю, а взгляд ниже скользит, в угол площадки. А там комочек шерстяной лежит.

— Ах вот ты где, — облегченно вздыхаю. — Сквозняком сдуло, наверное!

Дверь свою захлопываю. Лешкин вонючий носок расправляю и подклад ненавистный, как в мешочек, прячу. Держу аккуратно и на улицу выхожу.

Далеко идти не собираюсь. Не в том я положение, чтобы на длительные дистанции бегать. Подальше от дома, в сторону мусорки отхожу.

Пока спички из сумки извлекаю, по сторонам смотрю: не наблюдают ли за мной. Но во дворе относительно тихо. У нас как-то и детей в доме мало. В данный момент, к счастью. Кто его знает, как эта порча на соседей распространяется.

Ногой землю от сухой травы расчищаю. Не хватало еще пожар устроить. Носок с комком шерсти бросаю. Приседаю на корточки и чиркаю спичкой.

Да уж, из меня еще тот поджигатель! Первая спичка ломается пополам. Со второй сера сваливается.

Я уже приглушенно материться начинаю, когда со следующего чирка вспыхивает спичка. А я вздохнуть боюсь, чтобы не потушить ненароком.

Осторожно подношу горящую спичку к носку и, буквально, молю:

— Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста!

Носок заходится огнем не сразу. Больше плавится, скукоживается и дымит, издавая зловоние.

Я отворачиваюсь, чтобы не вдохнуть смрад грязного носка. По идее, он уже тоже негативной энергией напитан, соприкоснувшись с комком из шерсти.

Поздно вспоминаю, что в статье рекомендуется молитву читать, уничтожая подклад. Но я ни одной не знаю. Мысленно своими словами о помощи прошу, наблюдая, как исчезает черный носок мужа со страшным содержимым.

Поднимаюсь на ноги. Разворачиваюсь. Хромаю еще сильнее, отсидев уже обе ноги. И плетусь домой. Как и советуют: не оборачиваясь.

Потому, не сразу замечаю подходящую к дому девушку. Лишь на оклик реагирую:

— Елена!

Поворачиваю голову в сторону и замираю на месте.

Глава 15 Зачем пришла?

— Это какая-то акция: навести больного и получи премию?

А как еще прикажете понимать тот факт, что по двору ко мне навстречу идет Стефания Андреевна с тортом в руке.

Да не просто, а плывет, как лебедь: грациозно, мягко покачивая бедрами в красном комбинезоне с шортиками. Как еще каблук черных туфель в трещинах асфальта не застревает?

Волосы у девушки в этот раз распущены и лежат на плечах пышной волной. Ну, картинка, случайно угодившая на страницы старого потрепанного журнала.

Ей самой-то не скучно в этом маленьком городишке? И где только наряды такие шикарные находит? В местных магазинах я ничего подобного не встречала.

— Акция? Ахаха, смешная вы, Елена! Но отчасти правы: торт я принесла вам.

— Мне? — вскидываю брови. — С какой стати?

— С пустыми руками приходиться как-то некрасиво, а нам нужно поговорить.

Смотрю на нее. Жалею, что мысли читать не умею. Еще до вчерашнего дня она и знать меня не желала. А стоило мне появиться в больнице в обществе Эдуарда, как Стефания тут же проявила интерес. Да и санитарка тоже косо смотрела. Уж не приревновали ли меня к доктору?

А почему бы и нет? Эдуард Альбертович видный мужчина. И по всему, не женат.

Я это еще у него дома заметила. Да, чисто и аккуратно, но ведь он врач. Привык к стерильности и порядку. Да и не чувствуется в доме женской руки. Нет того уюта, который придают жилищу живущие в нем хозяйки.

— Поговорить? О чем?

— Так, может, угостите чаем, Елена? За тортиком я и расскажу, — весьма нагло напрашивается в гости Стефания, а я чего-то нервничать начинаю.

Да, красота ее впечатлила, но это как картину в музее: увидел, полюбовался и забыл. Чего ей надо от меня?

— Ну хорошо, — вздыхаю и вес тела на здоровую ногу переношу, стоять уже не вмоготу.

Мне бы лучше полежать, а не чайник на кухне ставить, обхаживая незнакомую девушку. Но и любопытство уже покоя не даст. Жестом приглашаю пройти в подъезд и открываю дверь, пропуская Стефанию с тортом.

— Кстати, как нога? Где это вас угораздило так упасть?

— Дороги у вас давно не ремонтировали. Вот и подвернула, когда шла, — отвечаю, поднимаясь на второй этаж.

Ключи из сумочки достаю. К замку подношу, а у самой рука трясется. Что за черт? Почему я так нервничаю?

По спине испарина проходит. С трудом дыхание перевожу. На незваную гостью стараюсь не смотреть.

А она рядом стоит, торт за тесемку удерживает, а ладонью второй руки подстраховывает.

Мысленно отмечаю, что Стефания – первый человек в этом городе, который перешагнет порог нашей с Лешей квартиры.

Еще вчера об этом вспоминала, когда подклад на порчу искала. И стоило от него благополучно избавиться, как тут же появилась гостья. Хорошо это или плохо?

Но решать будем по мере развития событий. Открываю дверь и снова пропускаю Стефанию вперед, с тортом.

— Благодарю, Елена! Тортик на кухню поставлю сразу? — и живо так направо поворачивает.

— А откуда вы знаете, что кухня именно там?

— Так дома однотипные, — смеется. — Расположение комнат в квартирах мало, чем отличаются. Уж поверьте мне, Елена! Я родилась здесь и выросла.

А у меня в голове слова бабы Клавы проносятся: "Дуреха местная". Вспоминаю и шумно выдыхаю, за стеночку держусь.

— Тебе плохо что ли? — Стефания тут же возвращается, но уже без торта.

В глазах обеспокоенность. В лицо мне заглядывает и под руку берет.

— Тебе присесть надо! Находилась с утра. Ногу побеспокоила. Хоть и трещины нет, но вывих тоже ничего хорошего.

— Да нет, нормально все! — отмахиваюсь, но на стул все же падаю. — Так о чем вы поговорить хотели?

— Давай уже на "Ты", а? Не против? — а сама в глаза мне не смотрит.

Спички берет и конфорку поджигает. Чайник на огонь ставит. А с подставки нож вынимает и оборачивается.

Я рот приоткрываю. Машинально губы языком увлажняю. И взглядом со Стефанией встречаюсь. Чего это она так распоряжается в моем доме? Словно, она хозяйка, а я так, в гости зашла.

— Блюдца у тебя где? Торт нарежу и разложу.

— Верхний ящик, над раковиной, — мямлю в ответ. — Да я сама все сделаю! Вы присаживайтесь!

— Не хочешь на "Ты"? — спрашивает с укором.

— Да я как бы еще не поняла, с какой вдруг стати, — нахожусь с ответом и чувствую прилив сил.

А с какого перепугу я так растерялась? Да, Стефания старше меня. Лет под тридцать уже. Ну и что? Я у себя дома. Впору мне тут командовать и условия выставять.

— Торт подождет. Скажи уж, зачем пришла?

Глава 16 Забери своего мужа

Блуждая в потоках дезинформации, каждый может найти свою, удобную ему, правду. Только сложность заключается в том, что правда скрывается не в голых словах, а в чистых мыслях. В чем я тут же начинаю сомневаться, слушая Стефанию.

— Понимаешь, Лена. Так получилось, что я приворожила твоего мужа.

— Че ты сделала? Приворожила?

— Да, ты правильно услышала, с первого раза. Нет надобности переспрашивать.

— Зачем?

— Ну, как это зачем? — округляет глаза, пожимая плечами, как будто это вполне обыденное явление, а я с неба свалилась и не догоняю.

Вот чего я действительно не понимаю: это ж сколько надо выпить для храбрости, чтобы заявиться к жене, да еще и торт прихватить, вылив на нее ушат правды.

Где-то читала, что есть три признака алкогольного опьянения: храбрость, решительность и честность.

Но я глаз не свожу со Стефании. Она трезвая, как стеклышко. О чем это говорит? Она верит в свои бредни!

Но верю ли я?

Шумно выдыхаю и отодвигаю от себя коробку с тортом. Облокачиваюсь на стол и сверлю взглядом эту роковую женщину.

— То есть, ты и мой Леша...

— Да, я и твой Леша – любовники. Но Лена, послушай!

— Нет, это ты послушай меня, — рывком хватаю ее за грудки, сжимая в кулаке алую ткань комбинезона и притягивая Стефанию ближе. — Я не для того приперлась с мужем в эту дыру, чтобы местная проשמандовка уводила мужа!

Но краем глаза замечаю, как Стефания кладет руку на стол. Под ладонью лежит все тот же нож, которым она собиралась разрезать торт.

Может, она и дуреха местная, как обозвала ее баба Клава, но при этом работник мед-учреждения. Как правильно и четко нанести удар ножом, чтобы за раз избавиться от соперницы, уж в этом Стефания разбирается.

Торт, возможно отравленный, я не попробовала. Что ж, нож в помощь! Только он подействовал раньше, как отрезвляющий эффект.

Я отпускаю Стефанию и руку брезгливо вытираю. Она комбинезон поправляет и нож в сторону откладывает.

— Теперь готова поговорить спокойно? — слышу усмешку в ее голосе.

И так хочется крикнуть: "Нет! Я не готова! Ты украла у меня мужа, покой и счастье. О чем ты еще хочешь поговорить?"

Но молчу. Судорожно выдыхаю. И просто жду. А она со стула подымается и выключает закипевший чайник. Берет с полки чистые чашки, разливает кипяток. Чай пакетированный. Сахар на столе.

Машинально отмечаю детали, слежу за ее передвижениями. И просто жду.

— Выпей чай! Успокойся! Да не отравлю я тебя, не переживай. Оно мне не надо!

Сама усаживается обратно за стол, насыпает в чашку две ложки сахара и, неторопливо помешивая, поднимает на меня глаза.

— Да, приворожила. Ради прикола. Пospорила с подругой, что твой Лешка уже через пару дней окажется в моей постели.

Я рот ладонью прикрываю, а по телу холодные мурашки пробегают. В смысле, ради прикола? Вот так просто разбить человеческую душу? Похоронить семейное счастье и ценности ради минутного удовольствия.

Смотрю на эту красавицу, а вижу перед собой страшное создание с холодным сердцем и отсутствием мозгов.

Да нет же. Я сплю! Так не бывает!

— Лен, я понимаю, как это дико звучит, но поверь мне: я сама в шоке была, когда все произошло, как я и говорила. Ведь я не ведьма! И заклинание для приворота нашла в интернете. Самое простенькое! Лишь бы перед подругой спектакль разыграть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.